

ГЛАВА 8. КОНФЕРЕНЦИЯ 1995 ГОДА ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЙСТВИЯ И ПРОДЛЕНИЮ ДОГОВОРА О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГОДОВ

Последнее десятилетие XX века стало периодом, когда вопросы предотвращения распространения ОМУ заняли одно из ключевых мест в международных отношениях. Задача предотвращения новых угроз ядерного распространения, наряду с угрозами распространения химического, биологического оружия и средств их доставки, выдвинулась для многих государств мира на приоритетное место в обеспечении национальной безопасности. Угроза ядерного распространения, в сравнении с химическим, биологическим и ракетным, рассматривалась как относительно менее вероятная; но в то же время имеющая наиболее угрожающие для безопасности государств и их граждан последствия.

В данной главе рассмотрены условия, которые сложились к середине 90-х годов и которые предопределили подготовку и ход КРП ДНЯО, состоявшейся в апреле–мае 1995 г. в Нью-Йорке; подробно рассмотрены задачи, основные узлы проблем и ее итоги; изложены основные вопросы Московской встречи на высшем уровне по ядерной безопасности 1996 г.; кроме того дан обзор основных проблем нераспространения ядерного оружия в период 1995–1999 гг.; и в заключение изложены основные результаты КР ДНЯО (2000 г.).

Международный режим нераспространения ядерного оружия накануне Конференции 1995 года по рассмотрению действия и продлению ДНЯО

Начало 90-х годов было отмечено двумя противоположными процессами. С одной стороны, международный режим ядерного нераспространения заметно укрепился благодаря присоединению к ДНЯО целого ряда государств, среди которых было два признанных обладателя ядерного оружия (Франция и КНР), а также один неофициальный обладатель – ЮАР, которая стала первым государством мира, добровольно отказавшимся от уже созданных ЯВУ. Ратифицировали ДНЯО в качестве НЯОГ Украина, Казахстан, Белоруссия. Остановили свои военные ядерные программы Аргентина и Бразилия, несколько снизились угрозы нераспространению в

Северной Африке (Алжир, Ливия и Египет не предпринимали, по разным причинам, активных попыток реанимировать свои программы в этой области). К концу марта 1995 г. число участников Договора достигло 172 государств. Таким образом, авторитет ДНЯО для мирового сообщества оставался неоспоримым.

Было предотвращено создание ядерного оружия в Ираке. Удалось в значительной степени сдержать ядерные амбиции Северной Кореи. Другие «очаги распространения» в первой половине 90-х годов не возникли. Шло сокращение ядерных вооружений бывшего СССР и США согласно Договору СНВ-1. Был подписан Договор СНВ-2 (январь 1993 г.). В Женеве активно велась работа над выработкой ДВЗЯИ.

С другой стороны, распад Советского Союза и появление на политической карте ННГ – Украины, Белоруссии и Казахстана, которые имели ядерное оружие на своей территории, вызывали серьезную озабоченность с точки зрения опасности расположения ядерных боеприпасов, материалов и технологий. При этом распад СССР нанес серьезный удар по ядерной безопасности России. Под сомнением оказалась эффективность систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов и ядерных боеприпасов; возникла опасность распространения ядерного оружия с территории России и ННГ.

На фоне начавшегося со второй половины 80-х годов значительного сокращения Соединенными Штатами и Советским Союзом, а затем Россией своих ядерных арсеналов все острее зазвучал вопрос об опасности появления «третьей силы», которая в этих новых условиях могла бы, создав ядерное оружие, угрожать международной стабильности. Существование трех неофициальных ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан), равно как и стремление ряда государств (Ирак, Северная Корея) войти в число обладателей ядерного оружия, делало эту угрозу реальной.

Ряд статей ДНЯО был нарушен, что поставило под вопрос эффективность некоторых современных методов борьбы с распространением ядерного оружия, в том числе применяемых СБ ООН и МАГАТЭ. Так, серьезным ударом стало обнаружение в Ираке, после его поражения в войне в Персидском заливе 1990–1991 гг., целого комплекса, направленного на создание собственного арсенала ОМУ.

Однако в целом ситуация середины 90-х годов мало у кого вызывала сомнения, что ДНЯО будет сохранен. В то же время некоторые тенденции заставляли предположить, что продление Договора, как то предусматривалось его статьей X, не будет легким.

Ведь главная задача – не просто продлить Договор, но продлить его на как можно более длительный срок. По замыслу дипломатов России и США, Договор следовало продлить бессрочно, что предусматривалось пунктом 2 статьи X, но только как один из вариантов. Поэтому дипломатам ЯОГ, а также, шире, развитого «Севера» пришлось развернуть активную подготовительную работу, как официально – в рамках заседаний Подготовительного комитета (наиболее важными были два последних заседания – в сентябре 1994 г. и в январе 1995 г.), так и в кулуарах.

В январе 1995 г. в Москву прибыл наиболее вероятный кандидат на пост председателя будущей конференции посол Джаянта Данапала (Шри-Ланка). В ходе обсуждения с российским министром иностранных дел он высказал предположение, что наиболее удачным исходом конференции стало бы принятие решения без голосования. Тогда же он предложил и свою формулу резолюции по продлению: «Так как большинство государств-участников выступает за бессрочное продление, то ДНЯО продлевается бессрочно без голосования». Российские дипломаты оценили формулу Джаянта Данапала как «элегантную», однако, по их собственному признанию, сомневались, что на конференции удастся избежать голосования.

Вместе с тем государства «Севера» признавали важность достижения компромисса и принятия решений консенсусом. Избежать голосования и найти широкую общую платформу в ходе конференции значило бы в зародыше устранить риск раскола и, следовательно, исключить саму вероятность того, что какие-либо участники ДНЯО решили бы, не соглашаясь с итогами конференции, покинуть Договор.

Дипломатия накануне конференции включала в себя и уговоры, и жесткий прессинг. В результате усиленной политико-дипломатической «артподготовки» дипломатам ЯОГ удалось в целом снять скепсис в отношении возможности бессрочного продления Договора. В то же время накануне конференции мало кто из них был уверен в том, что инициатива о бессрочном продлении способна сходу набрать необходимую половину голосов от общего числа участников Договора, то есть, по состоянию на апрель 1995 г., 90 голосов стран-участниц.

Недоработкой сторонников бессрочного продления ДНЯО стало ослабление внимания к вопросу об «универсализации» членства в Договоре. Речь прежде всего шла о группе арабских государств, которые выражали сомнение в целесообразности длительного продления Договора в условиях, когда Израиль не намеревается к нему присоединиться. Тревожным сигналом стало принятие 6 февраля 1995 г. «Дамасской декларации» восемью арабскими государствами, в

которой они критически оценили возможность существования «ДНЯО без Израиля». Еще более тревожным оказалось заявление президента Египта Хосни Мубарака 10 февраля 1995 г., где он прямо увязал согласие Египта на бессрочное продление ДНЯО с незамедлительным подписанием Договора со стороны Израиля. Только в марте 1995 г., под неприкрытым давлением США, он смягчил свою позицию.

Недооцененной оказалась и особая позиция ряда государств Юго-Восточной Азии, прежде всего Малайзии, которая, в отличие, скажем, от латиноамериканских государств, оказалась невосприимчивой к прямому давлению со стороны развитых государств.

Гарантии безопасности

В преддверии КРП ДНЯО заметное место заняла дискуссия по вопросу предоставления НЯОГ юридически закрепленных гарантий безопасности со стороны ЯОГ (см. главу 5).

Накануне конференции по данному вопросу между государствами «ядерного клуба» возникли разногласия. Россия в принципе поддерживала идею ДН о заключении конвенции по гарантиям безопасности. Не возражала Великобритания, исходя из того, что сам этот вопрос носит прежде всего символический характер и, следовательно, уступки ЯОГ именно здесь могут пойти достаточно далеко. Американские дипломаты отнеслись к данной идее вяло. Решительно против выступила Франция, заявив, что принятие такой конвенции противоречит ее национальной концепции ядерного сдерживания. В качестве компромисса было решено выступить с резолюцией в СБ ООН, которая бы подтверждала приверженность всех ЯОГ предоставлению гарантий безопасности НЯОГ-участникам ДНЯО, прежде всего гарантии оказания помощи в случае нападения на такое НЯОГ. Хотя такой компромисс был достигнут еще осенью 1994 г., практическая работа над выработкой текста резолюции затянулась до начала апреля 1995 г.

По инициативе всех пяти ЯОГ 11 апреля 1995 г., т.е. менее чем за неделю до открытия КРП ДНЯО, СБ ООН принял резолюцию о гарантиях безопасности 984. Совет пошел дальше резолюции 255 (1968). В новой резолюции были усилены положения о позитивных гарантиях. Кроме того, она приняла к сведению «с удовлетворением» односторонние заявления каждого из ЯОГ о предоставлении гарантий о

неприменении ядерного оружия против НЯОГ ДНЯО с оговорками (за исключением Китая)¹.

Так, в заявлении МИД Российской Федерации говорилось, что Россия «не применит ядерное оружие против государств – участников ДНЯО, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае вторжения или любого другого нападения на Российскую Федерацию, ее территорию, ее Вооруженные силы или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемых или поддерживаемых таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием»².

КНР оказалась единственным ЯОГ, которое, исходя из своей многолетней политики, подтвердило свое обязательство «никогда и ни при каких обстоятельствах не применять первым ядерное оружие; [...] никогда и ни при каких обстоятельствах не применять ядерное оружие и не угрожать его применением против государств, не обладающих ядерным оружием, или зон, свободных от ядерного оружия ...»³. Именно такой видели бы многие НЯОГ идеальную формулировку в будущем договоре или конвенции о гарантиях безопасности.

Резолюция 984, в дополнение к предложению военной помощи жертвам ядерной агрессии, призывает членов ООН предоставить техническую, медицинскую, научную или гуманитарную помощь таким жертвам, а также выплату им компенсации за потери, ущерб или причиненный вред.

Новое решение СБ ООН содержит в своей преамбуле недвусмысленное заявление о том, что «любая агрессия с применением ядерного оружия поставит под угрозу международный мир и безопасность», сделав таким образом применимой к данному случаю главу VII Устава ООН, которая санкционирует применение силы по решению СБ. Эти добавления улучшают резолюцию СБ 1968 г. Однако она все же не является юридическим обязательством не угрожать и не нападать на НЯОГ с применением такого оружия.

Резолюция 984 была принята единогласно, хотя некоторые НЯОГ-члены СБ и другие государства, принимавшие участие в заседании СБ (Египет, Индонезия, Нигерия), выразили мнение, что резолюция не идет достаточно далеко. На КРП ДНЯО (1995 г.) государства ДН

---

¹См.: Банн Д., Тимербаев Р.М. Режим нераспространения ядерного оружия и гарантии безопасности неядерным государствам. *Научные Записки ПИИР-Центра*, №1, 1996.

² Цит. по: там же, с.18.

³ Цит. по: там же, с.22.

продолжали критиковать ее недостатки и требовать принятия более надежных гарантий безопасности. Формулировка соответствующего параграфа решения конференции по «Принципам и целям ядерного нераспространения и разоружения», гласит:

«Принимая к сведению резолюцию 984 (1995) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, которая была принята единогласно 11 апреля 1995 года, а также заявления государств, обладающих ядерным оружием, касающиеся как негативных, так и позитивных гарантий безопасности, необходимо рассмотреть вопрос о дальнейших мерах для предоставления государствам-участникам Договора, необладающим ядерным оружием, гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия. Эти меры могли бы выразиться в разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу».

Несмотря на «половинчатый» характер резолюции 984, это в любом случае был сильный ход ЯОГ, который позволил если не снять, то по крайней мере несколько смягчить остроту критики в ходе конференции. Даже радикалы из числа участников ДН ссылались на нее как на важный (пусть, по их мнению, и промежуточный) шаг к предоставлению юридически закрепленных гарантий безопасности для НЯОГ.

Основные задачи КРП ДНЯО

КРП ДНЯО открылась в Нью-Йорке в здании штаб-квартиры ООН 17 апреля 1995 г. на основании статьи X ДНЯО и решения Подготовительного комитета и завершилась в ночь на 13 мая 1995 г. Перед участниками Конференции стояло несколько основных задач. Во-первых, было необходимо продлить Договор и определить срок продления, как это предполагалось пунктом 2 статьи X ДНЯО. Во-вторых, участники Конференции должны были рассмотреть выполнение Договора государствами-участниками за последние пять (1991–1995) и за все 25 (1970–1995) лет его действия. В-третьих, надо было выработать рекомендации по повышению эффективности Договора вне зависимости о того, на какой срок и на каких условиях он будет продлен, и создать механизм реализации этих рекомендаций. В-четвертых, важно было способствовать достижению универсальности Договора, то есть присоединению к нему, пусть постепенно, всех государств мира.

Хотя вопрос о продлении Договора, его сроке и условиях являлся центральным, с формальной стороны он значился в повестке дня лишь девятнадцатым пунктом. В течение всей Конференции государства-участники высказывали свое отношение к вопросу продления, но решение было отодвинуто на один из последних дней. Это привело к постоянной и все нарастающей напряженности в ходе Конференции, к доминированию кулуарной интриги над пленарными дебатами и работой главных комитетов, а также к снижению способности делегатов детально обсуждать вопросы действия, эффективности и совершенствования механизма реализации Договора.

Российские дипломаты еще в начале 1994 г. предлагали включить вопрос о продлении первым (или одним из первых) пунктом повестки дня Конференции, с тем чтобы, определившись со сроком продления, затем можно было бы заниматься обсуждением конкретных сторон Договора и его дальнейшей реализации. Однако это предложение не нашло поддержки, прежде всего из-за неверия американских дипломатов в то, что «блицкриг» с бессрочным продлением вообще может быть удачным. Поэтому в конце концов была принята тактика «изматывания» противников бессрочного продления ДНЯО в ходе трехнедельных кулуарных дискуссий одновременно с прямым и косвенным давлением на высшее политическое руководство тех государств, которые проявляли наибольшую строптивость. Причем ведущие государства – сторонники бессрочного продления разделили усилия. Так, США взяли на себя давление на «проблемные» государства Латинской Америки; Франция, Великобритания, Нидерланды – на свои бывшие колониальные владения; Россия – на государства СНГ и Иран. Тактика «кнута и пряника» применялась в отношении Мексики, Венесуэлы, Нигерии, Кении, Индонезии, Танзании, Филиппин и др., в результате чего ряд «проблемных» стран отказался к заключительному этапу Конференции от своих непримиримых установок.

Основные группы государств и конфликты интересов

Важной особенностью Конференции стала множественность конфликтов вокруг ДНЯО, которые условно можно объединить в две большие группы: конфликты «ценностей» и конфликты «интересов», причем последние имели очевидно преобладающее значение. Вместе с тем на Конференции наблюдалось – порой весьма острое – противопоставление общечеловеческих ценностей и национальных

интересов. Первые находили отражение в декларативных заявлениях ряда неприсоединившихся (Малайзия, Танзания, Зимбабве, Мексика, Венесуэла, Уругвай) и развитых (Швеция, Швейцария, Ирландия, Новая Зеландия, Австрия) государств о необходимости достижения «безъядерного мира» и создании «безъядерной зоны во всем мире» уже в ближайшие десятилетия, что обуславливалось жестким графиком сокращений ядерного оружия со стороны всех официальных ЯОГ вплоть до полного его уничтожения, запрещением производства и уничтожением накопленных расщепляющихся материалов для целей обороны и прекращением ядерных испытаний⁴.

Расстановка сил на Конференции определялась тем, что сформировались две большие противостоящие друг другу группы – «Север» (промышленно развитые государства Запада, Япония, Россия, другие государства СНГ, государства Центральной и Восточной Европы, Австралия), выступающий за бессрочное и безусловное продление ДНЯО, и «Юг» (ДН), выступающий против безусловного продления Договора и ставящий под вопрос целесообразность его бессрочного продления. Вместе с тем эти группы были достаточно размыты, и динамика изменений их состава в ходе Конференции была крайне высока.

Группа ДН действовала в высшей степени активно: выдвигала своих представителей на должности, регулярно собиралась на консультации. Однако на деле ДН оказалось неспособно выработать единую линию, и в ходе всей Конференции лидеры из числа региональных «сверхдержав» (Индонезия, Нигерия) предпринимали отчаянные, но неудачные попытки это единство восстановить, чем и объяснялись многочисленные заседания. В ходе Конференции раскол усилился, а появление новых лидеров (ЮАР) привело к параличу организационных возможностей ДН, которое, казалось бы, уже в силу своей численности (110 государств) могла диктовать результаты Конференции.

ДН раскололось прежде всего по вопросу о бессрочном продлении. В нем сформировались группа «непримиримых» (Сирия, Ливия, Малайзия, Нигерия, Северная Корея), группа «радикалов», с трудом, но все же в конце концов пошедших на компромисс (Индонезия, Иран, Египет, Мексика, Венесуэла, Кения и др.), группа «умеренных», изначально склонных к компромиссам (Иордания, Филиппины, Уругвай, Колумбия, Шри-Ланка и др.), группа «новой инициативы» во

---

⁴См.: Берденников Г. Выступление на Первом главном комитете, 21 апреля 1995. NPT 1995 Review and Extension Conference. Final Document. part III. Summary and Verbatim Records. New York, 1996, pp.228–230.

главе с ЮАР, публично заявившей о несогласии со старым курсом ДН на отказ от бессрочного продления и предложившей собственный набор политических инструментов по совершенствованию международного режима нераспространения ядерного оружия, и, наконец, группа «однозначно прозападных», которые голосовали так, как им порекомендовали в Вашингтоне (прежде всего островные государства Карибского бассейна).

В политическом плане раскол ДН был связан также с тем, что у каждой «региональной» группы государств ДН были свои собственные интересы. Так, для арабских государств (Египет, Ливан, Ливия, Сирия, Судан) это был вопрос о придании Договору универсального характера, т.е. о поиске путей присоединения к нему Израиля. Для государств Тихоокеанского бассейна (Папуа–Новая Гвинея, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова) на первый план выдвинулось скорейшее запрещение ядерных испытаний (особую остроту этот вопрос приобрел в связи с готовившимся тогда решением президента Франции Жака Ширака о проведении серии испытаний во Французской Полинезии).

Продление ДНЯО – основной вопрос Конференции

Пленарные заседания Конференции проходили с 18 по 25 апреля 1995 г. В первые три дня атмосфера Конференции была крайне напряженной, поскольку расстановка сил по вопросу о продлении ДНЯО оставалась неясной. С особым нетерпением ожидалось выступления представителей ЮАР, КНР, Египта, Ирана, Мексики, которые могли качнуть маятник обсуждения на Конференции как в сторону бессрочного продления Договора, так и в сторону более критического отношения к нему. Ожидалось, что большинство государств поддержит один из двух следующих вариантов продления: бессрочное, либо на последовательно сменяющиеся друг друга 25-летние сроки.

Но уже по прошествии трех первых дней общее напряжение начало спадать: позиции ряда «ключевых» и «непредсказуемых» государств прояснились, что позволило уточнить предварительные расчеты по возможному голосованию по продлению. По итогам общих прений, в которых выступили представители 112 государств, стало возможно говорить о поддержке всеми государствами-участниками самого Договора. Все выступившие государства-участники, за

исключением Ливии и Сирии, поддержали, в том или ином виде, продление Договора.

Накал был частично снят после выступления министра иностранных дел ЮАР Альфреда Нзо, который высказался за бессрочное продление ДНЯО, однако выступил против безусловного продления. Напротив, он перечислил те условия, которыми должно сопровождаться бессрочное продление, и назвал их «системой сдержек и противовесов». Прежде всего речь шла об укреплении механизма рассмотрения Договора. С этой целью ЮАР предложила разработать и принять «Принципы ядерного нераспространения и разоружения», где был бы «учтен современный международный климат». Нзо назвал восемь принципов, которые должны быть включены в текст и по которым можно будет судить о продвижении процессов нераспространения и выполнения целей ДНЯО, и предложил создать отдельный комитет (либо с представительством, открытым для всех, либо с участием представителей групп стран) по изучению процесса рассмотрения ДНЯО и выработке предложений по его совершенствованию. ЮАР заявила, что «любое решение, принятое простым большинством голосов, ослабит Договор. [...] В то время как консенсус стал бы идеальным решением, мы вместе с тем считаем, что решение должно приниматься значительным большинством. В любом случае это большинство должно включать все ключевые страны из всех групп».

Развернутое выступление южноафриканского представителя, содержавшее целый ряд конкретных предложений по совершенствованию механизма рассмотрения Договора, позволило вывести ЮАР в число новых лидеров ДН, но одновременно указало и на раскол в Движении. Следует обратить внимание на тот факт, что программное выступление представителя ЮАР не стало неожиданностью для ЯОГ. Наоборот, они находились в курсе подготовки такого выступления и его деталей, а руководители дипломатии США и России накануне Конференции специально направили письма поощрительного содержания своему южноафриканскому коллеге.

Напряжение еще более снизилось после того, как стало ясно, что другой традиционный критик ЯОГ – Мексика также не намерена оставаться на своих прежних жестких позициях и готова к гибкому подходу, не исключавшему бессрочное продление. Она уклонилась от указания конкретного срока продления, заявив, что «варианты продления будут естественно проистекать из того баланса, который

удастся достичь в отношении ответственности всех стран-участниц»⁵. Мексика выразила готовность участвовать в процессе коллективной выработки решения, потребовав от остальных участников «избегать поляризации»⁶. Вместе с тем она выдвинула пять условий: «подписание ДВЗЯИ, не позднее чем через год», «начало как можно скорее переговоров по ЗПРМ», принятие негативных гарантий безопасности, «укрепление нынешнего режима гарантий МАГАТЭ», и, наконец, принятие механизма по рассмотрению и оценке действия Договора. Тем самым Мексика как бы попыталась сохранить свой традиционный имидж наиболее активного сторонника полного и всеобщего запрещения ядерных испытаний. Однако высказывание об увязке продления ДНЯО со «скорейшим подписанием ДВЗЯИ» напоминало скорее пожелание, нежели требование, что, с одной стороны, отразило определенную слабость мексиканской дипломатии перед нажимом США, но, с другой – показало ее реализм: действительно, трудно требовать от одной конференции (проходящей в Нью-Йорке), чтобы она принимала решения, обязательные для другой конференции (проходящей в Женеве), пусть и по смежному, но все-таки иному вопросу.

Объявленная позиция КНР также не вызвала опасений у сторонников бессрочного продления Договора. Китай заявил, что «продление [...] на ограниченный срок нежелательно [...] Если Договор продляется бессрочно, это ни в коем случае не должно трактоваться как увековечивание прерогативы ядерных государств на владение ядерным оружием»⁷. Китай, однако, оставил себе поле для маневра. Предпочитая бессрочное продление, вместе с тем он подчеркнул, что не против и другого варианта – продления на несколько 25-летних сроков (но не меньше). Главное, чтобы ДНЯО был продлен «гладко». Китайские дипломаты, кроме того, предпочли выждать и подсчитать расстановку сил, чтобы не испортить отношений с ДН. Обратной стороной такой политики максимальной осторожности и выжидательности стал тот факт, что китайская дипломатия в целом не была заметна в ходе «кулуарного этапа» конференции, особенно на фоне активности трех других членов «ядерной пятерки» – США, Великобритании и России. Можно предположить, что в задачу китайских участников Конференции такая активность и не входила.

Интересно отметить, что аналогичный вариант прорабатывался и во внешнеполитических ведомствах России. Позицию, что оба варианта

---

⁵NPT/CONF.1995/32 (Part III), p.49.

⁶Ibid., p.50.

⁷Ibid., p.39.

продления равно приемлемы, рекомендовал для российской делегации Совет безопасности РФ. Однако уже в первые дни Конференции делегация России получила возможность сравнить предполагаемые варианты расстановки сил с реальной картиной. В результате был сделан принципиальный вывод о том, что на Конференции может быть собрано большинство голосов стран-участниц ДНЯО в пользу бессрочного и безусловного продления. Выступая в начале второй недели прений (т.е. получив уже достаточно информации о подходах разных групп государств к продлению ДНЯО), министр иностранных дел России Андрей Козырев заявил: «Россия твердо выступает за бессрочное и безусловное продление Договора. Перед нами историческая возможность сделать это сейчас, и было бы непростительно упустить ее»⁸.

В ходе следующего этапа, продолжавшегося семь–восемь дней, были сформулированы следующие предложения о сроке продления ДНЯО. За «бессрочное продление» выступили 103 страны и еще 28 стран склонялись к такому варианту. Против выступили 23 страны и еще 12 стран также, судя по косвенным признакам, возражали бы против него. Венесуэла предложила продлить ДНЯО на один 25-летний срок с проведением тогда новой конференции по продлению. Таиланд выступил за «последовательное продление на несколько периодов, при длительном сроке каждого периода». Нигерия высказалась за продление на один срок с последующим проведением конференции по рассмотрению действия и продлению. Индонезия выступила за последовательное продление на несколько периодов с условием выполнения определенных обязательств по ядерному разоружению. Коста-Рика предложила продлить Договор с поправкой об «установлении безъядерного мира». Сирия выступила за откладывание Конференции. Мексика и еще 10 государств предпочли бы увязать срок продления с переговорами о графике достижения всеобщего и полного ядерного разоружения. Египет и еще пять арабских государств выступили против бессрочного продления до тех пор, пока к Договору не присоединится Израиль. Однозначно против всякого продления выступила Ливия⁹. В результате обсуждения на пленарных заседаниях предложения Ливии, Сирии, Венесуэлы, Нигерии отпали из-за отсутствия поддержки. Другие предложения и инициативы (прежде всего южноафриканская и мексиканская) было предложено инкорпорировать в тексты резолюций, которые сопровождали бы резолюцию о продлении.

---

⁸NPT/CONF.1995/32 (Part III), pp.131, 132.

⁹Campaign for Nonproliferation Treaty. *Newsletter*, 26 April 1995.

Таким образом, участники конференции пришли к тому, что следует сделать выбор лишь между двумя вариантами продления:

а) многократным продлением на 25-летние сроки, с проведением после каждого такого срока конференции по продлению; и

б) бессрочным продлением.

В случае голосования бессрочное продление получило бы необходимое большинство. Однако принятие решения «автоматическим большинством» могло бы оттолкнуть ряд государств ДН от дальнейшего активного вовлечения в международный режим нераспространения. Такие возможные последствия рассматривались рядом ведущих делегаций, прежде всего российской, как крайне нежелательные. Поэтому на данном этапе участникам Конференции предстояло решить вопрос о достижении консенсуса в вопросе продления. Такая работа была почти полностью перенесена в кулуары, где ее координировал председатель Конференции Джаянта Данапала.

Кроме того, развернулась полемика вокруг «безусловности» либо «условий» продления Договора. Значительная часть участников Договора выступила за «безусловное» продление. Вместе с тем большинство государств-участников (подавляющее большинство членов ДН, а также некоторые государства Европы, например, Швеция, Украина) настаивало на том, что продление Договора должно сопровождаться принятием определенных документов, регламентирующих дальнейшее ядерное разоружение, а также меры по эффективному выполнению ДНЯО в дальнейшем. Смягчение остроты постановки вопроса о сроке продления позволило участникам перейти к детальному рассмотрению конкретных вопросов ядерного нераспространения и соблюдения Договора, а также решить вопрос об «условиях» бессрочного продления.

Когда число вариантов выбора срока продления сузилось до двух – бессрочное либо последовательные продления на 25-летние сроки, – значительное число государств, до этого не определивших свою позицию, пришло к убеждению, что принципиальное различие между этими двумя вариантами отсутствует: и в том, и в другом случае речь идет, по сути, о бессрочном продлении (правда, второй вариант позволяет «переиграть» ситуацию через четверть века в случае неких экстраординарных обстоятельств). Таким образом, целый ряд государств, особенно небольших, пришел к выводу о возможности склониться к «воле большинства»¹⁰.

---

¹⁰See: Workshop on the results of the NPT Extension conference. Paper on the key points of the speakers. Monterey, 15 August 1995, p.12.

Нераспространение и разоружение

Вслед за вопросом о сроке и условиях продления ДНЯО в центре обсуждения оказался вопрос о темпах и критериях ядерного разоружения.

Были внесены предложения по ускорению процесса ядерного разоружения. Среди наиболее важных следует отметить предложение Новой Зеландии ввести «подлежащий эффективной проверке запрет на производство ядерного оружия»¹¹. Швеция настаивала на включении в итоговые документы Конференции подтверждения, что «все ядерное оружие должно быть уничтожено»¹². Япония, Австрия и Ирландия выступили за «дальнейшие усилия (со стороны ядерных государств) по ядерному разоружению с конечной целью ликвидации ядерного оружия»¹³. Наконец, целый ряд государств выступил за принятие жесткого графика сокращения ядерных вооружений.

Максимум чего смогли добиться наиболее активные НЯОГ, так это принятия решения «Принципы и цели ядерного нераспространения и разоружения», где, в частности, констатируется, что *«государства, обладающие ядерным оружием, вновь подтверждают свое обязательство, предусмотренное в статье VI, в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах, касающихся ядерного разоружения [...] с конечной целью ликвидации этого оружия [...] под строгим и эффективным международным контролем»*¹⁴.

При обсуждении вопроса о заключении ДВЗЯИ дискуссия шла вокруг конкретного срока, к которому его следует подписать. Было выдвинуто два варианта. Швеция, Папуа–Новая Гвинея, Малайзия, Мексика, Нигерия предлагали заключить его уже в 1995 г. Большинство государств «Севера» настаивало на том, чтобы завершить выработку Договора и открыть его к подписанию к концу 1996 г. (что в итоге и произошло). В результате обсуждения именно этот вариант был сочтен реалистичным, и *«завершение Конференцией по разоружению не позднее 1996 года переговоров о всеобщем и поддающемся международной и эффективной проверке ДВЗЯИ»* было принято как рекомендация. Примечательно, что «до вступления в силу ДВЗЯИ ядерные государства призывались проявлять исключительную

---

¹¹NPT/CONF.1995/32 (part III), p.86.

¹²NPT/CONF.1995/32 (part III), p.270.

¹³NPT/CONF.1995/32 (part III), pp.13, 44.

¹⁴Ibid.

сдержанность»¹⁵, однако сторонникам скорейшего и полного запрещения ядерных испытаний не удалось включить в итоговые документы формулу о «запрете на проведение ядерных испытаний вплоть до вступления в силу ДВЗЯИ».

Концентрация внимания участников Конференции почти исключительно на сроке продления ДНЯО привела к тому, что нью-йоркский форум фактически «проскочил» мимо таких важных вопросов, как распространение оружейных материалов, используемых в гражданских ядерных программах. Участники Конференции лишь подчеркнули необходимость начала переговоров в Женеве с целью заключения международной конвенции о ЗПРМ. Требование ряда государств (Индонезия, Танзания) включить в повестку дня этих переговоров также вопрос об уничтожении уже имеющихся запасов расщепляющихся материалов не получил поддержки не только у ЯОГ, но и у большинства других государств-участников ДНЯО. В результате Конференция ограничилась рекомендацией *«немедленного начала и скорейшего завершения переговоров о недискриминационной и универсально применимой конвенции о запрещении производства расщепляющегося материала для целей ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств»*¹⁶.

Мирное использование атомной энергии и обмен технологиями

В отличие от предыдущих КР ДНЯО (в частности, 1980, 1985, 1990 гг.) и заседаний Подготовительного комитета, данный вопрос не оказался в числе центральных на данной Конференции. Большинство развивающихся государств в своих заявлениях лишь подтвердило важность соблюдения государствами – ядерными поставщиками положений статьи IV ДНЯО, но не делало заявлений с упреками в адрес ядерных поставщиков. Анализ показывает, что в целом развивающиеся страны удовлетворены тем, как на уровне двусторонних контактов и многостороннего сотрудничества (МАГАТЭ) реализуются положения данной статьи.

Особую позицию в данном вопросе заняли Ирак, Ливия и Иран. Так, Иран призвал снять «односторонне навязанные ограничительные меры, лежащие вне гарантий МАГАТЭ», выступил с жесткими требованиями по универсализации режима ЭК и отмене дискриминационных структур (Комитет Цангера, «пост-КОКОМ» и

---

¹⁵NPT/CONF.1995/L.5, p.2 (Russian).

¹⁶NPT/CONF.1995/L.5, p.2 (Russian).

т.п.)¹⁷. Предложение Ирана о создании вместо них новой экспортно-контрольной организации из всех стран-членов ДНЯО поддержки не встретило.

Недовольство Ирана ситуацией с соблюдением статьи IV Договора легко объяснимо. Во-первых, США явно нарушили данную статью Договора, всячески пытаясь помешать Германии, Аргентине, а затем и России развивать сотрудничество с Ираном в деле мирного использования атомной энергии (в частности, строительство АЭС в Бушере). Во-вторых, в самый разгар Конференции президент США Билл Клинтон заявил о введении санкций против Ирана, обвинив его в поддержке международного терроризма и в стремлении к созданию ядерного оружия.

В контексте мирного использования атомной энергии обсуждался (правда, как второстепенный) вопрос о МЯВ. Понятие «мирных ядерных взрывов» было введено в статью V ДНЯО, так как во второй половине 60-х годов доминировало положительное отношение к МЯВ. К настоящему времени, за исключением Китая, ни одно другое государство мира не выразило заинтересованности в «реанимации» статьи V. Подавляющее большинство государств-участников сочло данную статью «архаичной». Государства-участники в целом пришли к выводу, что на переговорах по ДВЗЯИ следовало вести речь о запрещении любых ядерных взрывов, включая МЯВ. По сути, единственным государством, которое на протяжении практически всей Конференции высказывало особую позицию по данному вопросу, был Китай (заявивший что «МЯВ должны проводиться» как на основании статьи V ДНЯО, так и на основании положения статьи IV о праве на использование ядерной энергии в мирных целях). Позицию противников МЯВ наиболее активно выражала Австралия. В результате Китай не смог противостоять выработке положения в итоговом докладе Третьего главного комитета Конференции о том, что *«предполагавшийся положительный эффект от МЯВ не оправдался»* и КР *«рекомендуется [...] принять во внимание данное положение и его (возможное) развитие»* на переговорах по ДВЗЯИ¹⁸.

Достижение универсального характера ДНЯО

---

¹⁷NPT/CONF.1995/32, pp.100, 101.

¹⁸NPT/CONF.1995/MCIII/WP.6; NPT/CONF.1995/MCIII/CRP.4; NPT/CONF.1995/32 (Part III), pp.395, 396.

Ко дню начала Конференции оставались 12 государств, не присоединившихся к ДНЯО. Среди них неофициальные ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан), государства, готовившиеся присоединиться к ДНЯО вскоре после КРП ДНЯО (Ангола, Джибути, Вануату, Оман, ОАЭ, Чили) или готовые это сделать в перспективе (Бразилия, Куба).

Вопрос об универсальности ДНЯО поднимался прежде всего арабскими государствами, а также, шире, государствами исламского мира, в связи с отказом Израиля присоединиться к ДНЯО и с сохранением у него значительного ядерного потенциала. Очевидно, что только США были способны существенно повлиять на отношение Израиля к ДНЯО. В этой связи примечательно, что накануне открытия КР ДНЯО член делегации США посол Томас Грэм заявлял: «Мы напряженно работаем с Израилем [...] У меня нет сомнений, что Израиль в конце концов присоединится к ДНЯО»¹⁹. Однако со стороны США на практике не было заметно никаких шагов, оказывающих давление на Израиль в пользу его присоединения к ДНЯО. Политика США сводилась к изъятию самого упоминания Израиля в критическом контексте из проекта резолюции по Ближнему Востоку. Участники финальной стадии переговоров по выработке итоговых документов признавали, что ни в каком вопросе США не были столь бескомпромиссны, как в отстаивании интересов своего ближневосточного стратегического партнера.

В ходе КРП ДНЯО участники проявили пассивность при обсуждении ситуации в Южной Азии. Хотя данный регион, наряду с Ближним Востоком, является наиболее чувствительным с точки зрения рисков ядерного распространения, в ходе Конференции он оказался практически «забыт». Лишь считанные государства высказали критику в адрес Индии и Пакистана, которые отказываются присоединиться к ДНЯО, что выглядело особенно резким контрастом на фоне ежедневной критики Израиля. Такой «мягкий» подход объяснялся отчасти нежеланием соседей Индии и Пакистана по региону обострять ситуацию. Его следствием стало то, что оба государства (но прежде всего Индия), видимо, почувствовали, что получили таким образом индульгенцию международного сообщества на игнорирование международно признанных норм ядерного нераспространения.

Завершающий этап КРП ДНЯО. Принятие решений

---

¹⁹*BASIC Reports*, 14 April 1995, p.1.

Исходя из новой расстановки сил на Конференции, Канада распространила сверхлаконичный проект резолюции: «ДНЯО должен оставаться в силе бессрочно»²⁰. Проект резолюции был представлен канадским послом Кристофером Вестдалом от имени Канады и еще 103 государств, среди которых были Франция, Россия, США, другие члены ОБСЕ, большинство стран Латинской Америки и Карибского бассейна, несколько стран Африки, Азии и Океании. Кристофер Вестдал указал, что не все страны, которые выступают за предложение Канады, поставили свои подписи, потому что они рассчитывают на достижение консенсуса без голосования. По этой же причине в текст резолюции не было внесено слово «безусловное». Оно отсутствовало и в комментарии канадского посла. В последний момент, уже в ходе пленарного заседания, к проекту присоединились Филиппины, сделав публичную оговорку, что выступают за начало переговоров по конвенции о запрещении ядерного оружия. Казалось бы, присоединение еще одного государства к мощной и очевидно побеждающей группе имело лишь символическое значение. На самом деле, однако, эмоциональное выступление представителя Филиппин в пользу бессрочного продления заставило задуматься даже радикально настроенных представителей ДН: Филиппины традиционно занимали антиядерные позиции, особенно учитывая, что на протяжении длительного времени на их территории, на военных базах США было дислоцировано ядерное оружие. Политико-дипломатический дрейф Филиппин в сторону бессрочного продления хотя, конечно, не явился неожиданностью для соседей по региону – Малайзии и Индонезии, оказал существенное воздействие на позицию ряда «сомневавшихся» членов ДН из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) (Бруней, Вьетнам, Таиланд, Лаос) в пользу бессрочного продления без голосования.

К крайнему сроку выдвижения проектов резолюций 5 мая председатель Джаянта Данапала получил три предложения – Канады (бессрочное продление), Индонезии (последовательное продление на 25-летние сроки) и Мексики (условно-бессрочное продление), причем Мексика, как и ожидалось, уточнила свое предложение, добавив в первый пункт результирующей части после «*Договор должен оставаться в силе*» слово «*бессрочно*».

В этой ситуации решили попытаться разыграть свою карту арабские государства. Египет попытался возглавить те арабские силы на КРП ДНЯО, которые, возражая против радикализма Ливии, возражали также и против «соглашательства» со сторонниками

---

²⁰NPT/CONF.1995/L.2.

бессрочного продления. Египет повторил свою позицию, что не может поддержать бессрочное продление, потому что Израиль отказывается подписать договор о создании ЗСЯО на Ближнем Востоке или сделать другие уступки своим арабским соседям в этом вопросе. Соединенные Штаты надеялись ранее, что Египет отдаст свой голос в поддержку бессрочного продления ДНЯО, однако египетский министр иностранных дел Амр Мусса заявил на Конференции, что безопасность его страны не может быть гарантирована соглашением, которое не охватывает Израиль. Амр Мусса подчеркнул, что «прогресс, достигнутый в осуществлении ДНЯО, не оправдывает ожиданий его отцов-основателей». Жесткая позиция Египта оказалась неприятным сюрпризом для тех, кто рассчитывал на повторение здесь «мексиканского варианта» с его декларативной жесткостью, внутренней противоречивостью и в конечном счете уступчивостью.

Несмотря на стремительно приближавшийся срок принятия решений, договориться с Египтом об отказе от столь жесткой позиции не удалось. В качестве компромисса была выдвинута идея о том, что к уже разрабатывавшимся итоговым документам необходима также «ближневосточная резолюция», достаточно аморфная по содержанию, однако уже одним фактом своего существования частично умиротворявшая Египет и его сторонников. Как первый шаг на этом пути, 9 мая был распространен проект резолюции группы арабских стран, возглавляемых Египтом, в которой Конференции предлагалось выразить «глубокую озабоченность продолжающимся нахождением на Ближнем Востоке бесконтрольных ядерных объектов Израиля», призвать Израиль «без промедления присоединиться к ДНЯО и поставить всю свою ядерную деятельность под полноохватные гарантии МАГАТЭ», призвать «все государства Ближнего Востока предпринять практические шаги по созданию [...] ближневосточной зоны, свободной от оружия массового уничтожения: ядерного, химического, биологического и систем их доставки, и, вплоть до создания такой зоны, воздержаться от любых мер, которые могут помешать осуществлению этих задач»; наконец, «пригласить пять ядерных государств предоставить, в качестве приоритетной задачи и временной меры, расширенные гарантии безопасности государствам региона – членам ДНЯО».²¹ Невозможно было представить, чтобы такой проект поддержали США, прежде всего из-за прямого упоминания Израиля. Кроме того, пункт о «расширенных гарантиях безопасности» не устраивал и другие ЯОГ.

---

²¹NPT/CONF.1995/L.7.

Российская делегация высказала соображение, что нельзя отмахиваться от данного проекта, с тем чтобы в результате и произвести «обмен»: ближневосточные арабские государства и Иран получают смягченный вариант их резолюции, принятый консенсусом, в обмен на это они согласятся присоединиться к консенсусу по вопросу о бессрочном продлении. Работа предстояла колоссальная, а оставался всего лишь день до принятия итоговых решений.

США не были готовы даже на минимальные уступки в тексте. Дипломатическая борьба вокруг именно этой резолюции чуть было не стала источником серьезного кризиса под самый занавес Конференции, а скрытое недовольство ее текстом со стороны Ирана и Сирии задержало принятие итоговых документов на два часа и все это время держало в напряжении более 170 делегаций государств-участников, которые собрались в зале ГА ООН 11 мая.

В итоге переговоров Соединенные Штаты, Россия и Великобритания согласились, как страны-депозитарии, стать соавторами «ближневосточной резолюции». В результате кулуарной работы над текстом он значительно изменился. Достаточно сказать, что из него исчезло прямое упоминание Израиля; кроме того, было снято упоминание о предоставлении ЯОГ гарантий безопасности для стран региона – членов ДНЯО. В конечном итоге, Египет и другие арабские государства приняли условия «обмена». Это объяснялось не только и не столько давлением США. Среди большинства арабских делегаций в ходе КРП ДНЯО постепенно сформировалось убеждение, что альтернативой данному, пусть и неравноценному, «обмену», может стать только раскол стран-участниц ДНЯО, в результате которого задача ликвидации ядерного оружия Израиля отодвинулась бы на неопределенный срок, а образ Израиля как «виновника нестабильности» уступил бы место критике в адрес самих арабских государств, которые наверняка были бы обвинены в «несдержанности» и «экстремистских шагах».

Государства-депозитарии после консультаций как с последовательными сторонниками бессрочного продления, так и с сомневающимися пришли к выводу, что следует принять предложение Джаянта Даналы о том, что итоговое решение Конференции следует утвердить в «пакете» (резолюция Канады, плюс Принципы и Цели ядерного нераспространения и разоружения, плюс итоговая резолюция на основе работы главных комитетов либо резолюция о совершенствовании механизма рассмотрения ДНЯО), а также его формулу: «председатель призывает принять весь «пакет» консенсусом,

исходя из того, что большинство с очевидностью поддерживает бессрочное продление».

Ключевой проект – по продлению – практически повторял формулировку резолюции Канады, однако учитывал дипломатический ход Джаянта Данапалы: после четырех вводных абзацев, в нем содержится лишь один абзац с итогом: «(Конференция) решает, что, так как существует большинство среди государств-участников ДНЯО, которое выступает за его бессрочное продление в соответствии со ст.Х.2., ДНЯО остается в силе бессрочно»²².

«Пакет» также оказался двойным. В первой его части – три уже упомянутые резолюции, во второй – резолюция по Ближнему Востоку²³. После прочтения названий первых трех документов и их номеров возражений не последовало, и председатель объявил о принятии документов без голосования. Далее председатель сообщил, что имеется также проект резолюции по Ближнему Востоку, который выдвинут тремя странами-депозитариями. Возражений снова не последовало, и решение также было принято без голосования.

Было бы неверно говорить, что бессрочное продление поддержано консенсусом. На самом деле, «консенсусом» принята резолюция с признанием того факта, что «очевидное большинство» выступает за бессрочное продление и, следовательно, необходимость в голосовании отсутствует, а решение о бессрочном продлении приобретает полную юридическую силу.

Таким образом, Конференция в целом выполнила свою задачу: она продлила ДНЯО без голосования, тем самым избежав раскола государств-участников.

Второй финал Конференции оказался, в отличие от первого, неудачным. Работа Редакционного комитета по выработке Заключительной декларации продвигалась крайне медленно, а в согласовании вопросов, связанных со статьей VI, практически и вовсе не продвигалась. В конце концов Джаянта Данапала предложил не принимать заключительного документа, исходя, во-первых, из того очевидного факта, что противоречия сторон невозможно примирить за считанные часы, особенно по статье VI, и, во-вторых, из прецедента, что не на всех предыдущих КР ДНЯО Заключительные декларации были приняты, что никак не умалило важности самого процесса рассмотрения.

---

²²NPT/CONF.1995/L.6.

²³Настоятельное требование группы арабских государств о том, чтобы резолюция по Ближнему Востоку была принята первой, перед остальными тремя, была отвергнута ее новыми авторами.

Таким образом, разногласия между «Севером» и «Югом» по кардинальным вопросам ядерного разоружения все-таки оказали значительное воздействие на итоги всей Конференции. «Юг» заблокировал принятие Заключительной декларации, что несколько снизило общий успех и показало, что ни переговоры и взаимные уступки, ни давление не смогли привести ЯОГ и государства-экспортеры ядерной энергии, с одной стороны, и НЯОГ из числа ДН, с другой, к взаимоприемлемому соглашению о продвижении в реализации статьи VI ДНЯО.

Вместе с тем было бы ошибочно драматизировать неудачу с принятием Заключительной декларации. В отличие от принятых днем раньше документов, она имела бы чисто политическое значение. Принятие юридически обязательного документа о продлении ДНЯО, безусловно, перевесило непринятие Заключительного документа.

Итоги Конференции

К главным итогам Конференции следует отнести, во-первых, *принятие* юридически обязательного *решения о продлении ДНЯО* на основании статьи X.2; во-вторых, закрепление *бессрочного характера* продления ДНЯО; в-третьих, принятие решения о *продлении ДНЯО без голосования*, практически консенсусом; в-четвертых, утверждение механизма *совершенствования рассмотрения* действия ДНЯО в дальнейшем; в-пятых, принятие рекомендации к КР в Женеве о *необходимости заключения ДВЗЯИ* не позднее конца 1996 года. Важным итогом Конференции стало также участие в ее работе практически всех государств-участников ДНЯО.

К плюсам Конференции можно отнести принятие итоговых решений без голосования. Это позволило избежать раскола между «подавляющим большинством» и «незначительным, но упорным меньшинством», к которому принадлежат такие крупные развивающиеся государства, как Индонезия, Малайзия, Иран, Нигерия, Венесуэла, Египет. Помимо объективных причин, позволивших достичь принятия итоговых решений практически консенсусом, сказалась и такая субъективная причина, как личная роль председателя Конференции в достижении компромисса.

Результат Конференции стал триумфом дипломатии ЯОГ. Они, прежде всего США, сумели выполнить стоявшую перед ними задачу-максимум: принять решение о бессрочном продлении и при этом не пойти на уступки, которые ущемили бы их национальные интересы.

Действительно, ни по одному из острых обсуждавшихся вопросов ЯОГ не взяли на себя каких-либо дополнительных обязательств. В то время как резолюция о бессрочном продлении – это юридический документ, остальные три резолюции – это политические и рекомендательные документы.

Можно ли, таким образом, рассматривать принятое решение о бессрочном продлении как однозначно позитивный фактор в деле ядерного нераспространения и контроля над ОМУ?

С одной стороны, да: удалось достичь, по сути, консенсуса и не отсечь от Договора его критиков; усиливается контроль за выполнением действия ДНЯО; наконец, вопрос о дальнейшем продлении больше не будет нервировать участников, они смогут сосредоточиться на существенных вопросах разоружения.

С другой стороны, конкретные обязательства, которые взяли на себя ЯОГ в ходе Конференции, скромны. Кроме того, КРП ДНЯО не смогла дать ответы на такие острые вопросы, как использование запасов расщепляющихся материалов оружейного качества, прежде всего плутония; повышение роли и возможностей МАГАТЭ в противодействии ядерному распространению и в его пресечении; предоставление юридически обязательных гарантий безопасности НЯОГ; пути достижения универсальности Договора.

Трудно не согласиться с аргументом ряда развивающихся государств, что продление Договора «навечно» усложняет контроль мирового сообщества за шагами ЯОГ, дает возможность неофициальным ЯОГ (Израиль, Индия, Пакистан) и дальше находиться вне рамок ДНЯО.

Приходится признать, что вариант многократного продления на 25-летние сроки не в меньшей степени способствовал бы укреплению международного режима ядерного нераспространения, чем бессрочное продление. По-видимому, можно говорить даже о том, что именно такой вариант, позволявший влиять на ЯОГ путем голосования раз в 25 лет, был бы оптимальным с точки зрения ценностей ядерного нераспространения.

В целом можно сделать вывод, что в результате КРП ДНЯО международный режим нераспространения ядерного оружия укрепился. Однако принятые в ходе Конференции решения не дают гарантии повышения уровня соблюдаемости Договора, прежде всего по статье VI и, с несколько меньшей вероятностью, по статьям I и II. Эйфория, вызванная итогами Конференции, не имела под собой достаточных оснований. По меткому определению, прозвучавшему на научно-практической конференции по итогам продления ДНЯО,

«операция прошла успешно, пациент жив, но находится в реанимации»²⁴.

Проблемы, вызывающие рост угроз ядерного распространения, ко второй половине 90-х годов не только не сняты, но проявились с новой остротой.

Московская встреча на высшем уровне по ядерной безопасности

Осознавая значимость проблем ядерной безопасности для России, Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин выступил в июне 1995 года с инициативой провести встречу лидеров семи крупнейших промышленно развитых государств («семерки») и России по ядерной безопасности.

Встреча состоялась в Москве 19–20 апреля 1996 г. Ее заключительная декларация еще раз обратила внимание на то, насколько серьезно стоят в мире вопросы нераспространения ядерного оружия. Учитывая как существующие, так и потенциальные угрозы, руководители восьми государств подтвердили свою готовность укрепить «в духе решений, принятых в мае 1995 года в ходе нью-йоркской Конференции по рассмотрению действия и продлению [...] ДНЯО, включая Решение о принципах и целях ядерного нераспространения и разоружения, [...] сотрудничество в сфере ядерного нераспространения и разоружения, в том числе способствуя всеобщему присоединению к ДНЯО, действуя энергично для укрепления системы гарантий [...] МАГАТЭ и применяя эффективные и ответственные меры экспортного контроля»²⁵.

Участники встречи признали, что безопасность всего ЯМ является существенным элементом ответственного и мирного использования ядерной энергии. В частности, безопасное обращение с расщепляющимися материалами, включая материалы, высвобождаемые в результате демонтажа ядерного оружия, является императивным, не менее важным, чем гарантии против любого риска незаконного оборота ЯМ.

Участники Московского саммита подтвердили свою приверженность немедленному началу и скорейшему завершению

---

²⁴Workshop on the results of the NPT Extension conference. Paper on the key points of the speakers. Monterey, 15 August 1995, p.1.

²⁵Документы встречи на высшем уровне по вопросам ядерной безопасности. Декларация. М., Международные отношения, 1996, с.1.

переговоров о «недискриминационном и универсально применимом» соглашении о ЗПРМ для ядерного оружия или других ЯВУ.

«Восьмерка» подтвердила ответственность государств за обеспечение безопасности всех имеющихся у них ЯМ и необходимость включения их в эффективные национальные системы ФЗУКЯМ. Такие системы должны включать создание нормативной базы, лицензирование и инспектирование. Была выражена поддержка режиму гарантий МАГАТЭ, который играет ключевую роль в обеспечении уверенности в том, что не происходит необнаруженного переключения ЯМ на другие цели и подчеркнута необходимость расширения возможностей обнаружения незаявленной ядерной деятельности.

Участники саммита выразили поддержку усилиям, направленным на обеспечение безопасного хранения всех чувствительных ЯМ, заявленных как непредназначенные для использования в оборонных целях, включая распространение на них гарантий МАГАТЭ так скоро, как это представится практически возможным.

Главы государств «восьмерки» признали, что в последние годы были сделаны существенные шаги в сфере ядерного разоружения, что сопровождалось высвобождением значительных запасов расщепляющихся материалов, более не требуемых для целей обороны. Отмечалось, что важно обеспечивать безопасное обращение с их запасами и в конечном счете переводить их в ОЯТ или другие формы, непригодные для ядерного оружия, а также их безопасное захоронение. При этом первоочередную ответственность за безопасное обращение с оружейными расщепляющимися материалами несут сами ЯОГ, однако приветствуется содействие со стороны других государств и международных организаций там, где это желательно.

Участники встречи приветствовали шаги США и РФ, предпринятые для переработки высвободившегося после демонтажа ядерного оружия ВОУ в НОУ, а также программы сотрудничества Канады, Франции, Германии, Италии, Японии, Великобритании, США и других государств с Российской Федерацией для безопасного хранения и мирного использования расщепляющихся материалов, высвобождаемых в результате демонтажа ядерного оружия, их надежную и безопасную транспортировку для этих целей и другие усилия в данном направлении. Серьезное внимание на встрече было уделено обращению с ядерными отходами, а также безопасности гражданских ядерных реакторов.

Особое место в обсуждении занял вопрос противодействия НОЯМ. Все участники встречи, признав важность данного вопроса, отметили, что «поскольку риск сохраняется, мы согласовали и опубликовали

Программу противодействия незаконному обороту ядерных материалов, ориентированную на укрепление сотрудничества между нашими правительствами по всем аспектам предотвращения, обнаружения, обмена информацией, расследования и наказания в случаях незаконного ядерного оборота» и призвали другие правительства присоединиться к реализации этой программы.

Итоги Московской встречи в верхах 1996 г. вызвали неоднозначную реакцию в мире. Ее подвергали критике за «слишком общие» заявления. Некоторые экологические движения сочли, что тональность поддержки развития атомной энергетики в XXI веке была чересчур жесткой и не учитывала дебатов о роли ядерной энергетики, идущих в ряде государств, особенно в Германии. Тем не менее можно утверждать, что Московская встреча имела важное и позитивное значение для международного режима ядерного нераспространения. Ведущие государства мира сообща выразили свое намерение укреплять этот режим через координацию действий, обмен информацией и сотрудничество. Особенно заметным в этой связи стало принятие Программы противодействия НОЯМ.

Кроме того, в ходе Московской встречи российская делегация выступила с предложением о размещении ядерного оружия вне пределов национальных территорий ЯОГ. Эта инициатива не была поддержана другими государствами, принимавшими участие в саммите.

Международный режим нераспространения ядерного оружия во второй половине 90-х годов

Хотя договорно-правовая база международного режима нераспространения ядерного оружия была не только подтверждена, но и значительно упрочена в результате КРП ДНЯО, практические вопросы противодействия распространению ядерного оружия, материалов и технологий с повестки дня не сняты.

После успеха КРП ДНЯО 1995 г., проведения Московской встречи по ядерной безопасности в апреле 1996 г. и подписания в сентябре 1996 г. ДВЗЯИ ЯОГ стали проявлять определенную самоуспокоенность в вопросах укрепления международного режима ядерного нераспространения.

Опасной тенденцией стали попытки ряда государств сместить акценты: говоря о нераспространении, ограничиться только вопросами ЭК. Последние, безусловно, весьма важны, их соблюдение становится

часто ключевым инструментом упрочения режима, однако они, конечно, не могут подменить всю многообразную проблематику нераспространения ядерного оружия.

Большие ожидания возлагались на первое после КРП ДНЯО заседание Подготовительного комитета по проведению Конференции 2000 года, которое прошло весной 1997 г., уже с учетом принятого на КРП ДНЯО решения о повышении эффективности процесса рассмотрения действия Договора. Теперь Подготовительный комитет проходил в течение 10 рабочих дней, целью его заседаний, как следовало из решения КРП ДНЯО (1995 г.), являлось «рассмотрение принципов, задач и путей содействия всестороннему осуществлению Договора, а также приданию ему универсального характера...». Иными словами, функции Подготовительного комитета становились в куда большей степени политическими, нежели чисто процедурными. Хотя итоги заседания 1997 г. можно оценить как умеренно-успешные, возлагавшихся ожиданий они не оправдали.

Второе заседание Подготовительного комитета в 1998 г. окончилось провалом: не удалось принять ни одного рабочего документа по существу вопросов; процесс выработки рекомендаций для КР ДНЯО (2000 г.), начатый на заседании 1997 г., натолкнулся на жесткое противостояние ЯОГ, с одной стороны, и НЯОГ, с другой. Соединенные Штаты наиболее решительно воспротивились принятию двух документов – по разоружению и по Ближнему Востоку, инициированных Египтом, Канадой и ЮАР – тремя государствами, которые, наряду с Ираном и Мексикой, выступили как наиболее активные представители НЯОГ в ходе Подготовительного комитета.

Как пощечина всему сообществу государств, являющихся участниками ДНЯО, прозвучало индийское ядерное испытание, проведенное на следующий день после окончания заседания Подготовительного комитета 1998 г. Майские ядерные испытания Индии, а затем и Пакистана показали, к чему могут привести самоуспокоенность и отсутствие конкретной программы действий по универсализации договора.

Третье, и последнее перед Конференцией 2000 года, заседание Подготовительного комитета проходило в мае 1999 г., в разгар бомбардировок Соединенными Штатами и их союзниками по НАТО Югославии. Резко обострившаяся в этой связи общеполитическая ситуация в мире наложила серьезный отпечаток на ход дискуссий на Подготовительном комитете, засвидетельствовав, что ЯОГ по-прежнему придают важное значение своим арсеналам. В ходе этого заседания Подготовительного комитета активную позицию занял

Китай, который добился обсуждения вопроса о взаимосвязи бомбардировок Югославии и вопросов контроля над вооружениями. Эту позицию поддержала и Россия. В контексте обсуждения статьи VI зазвучали и новые темы, такие, как попытки США изменить Договор по ПРО (против чего выступила Россия); роль ТЯО (так, озабоченность высказали Финляндия, Швейцария, Нигерия и Киргизия). В отличие от обоих предыдущих заседаний Подготовительного комитета, ЯОГ на этот раз не удалось принять совместный (пятисторонний) документ с отчетом о процессе разоружения в каждой из стран, так как Китай демонстративно отказался присоединяться к другим ЯОГ и предоставлять какую-либо информацию о развитии собственных ядерных сил. Подчас заседание оказывалось на грани провала, однако усилия таких государств, как Ирландия и Новая Зеландия, помогли избежать полного фиаско²⁶.

К скромным достижениям третьего заседания Подготовительного комитета следует отнести более гибкую, нежели прежде, позицию США по вопросу о вовлечении Израиля в ДНЯО.

Новым явлением стала активная роль, которую играла в ходе заседания Подготовительного комитета «Коалиция за новую повестку дня» (КНПД). Новая группа государств была сформирована в июне 1998 г., разрушив традиционное, еще со времен «холодной войны» сложившееся деление на три группы – западную, восточную и ДН. В КНПД вошли Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Словения, ЮАР и Швеция²⁷. Эта коалиция сочетает жесткие заявления в пользу ядерного разоружения с весьма прагматическим стратегическим подходом.

Если рассмотреть исполнение решений КРП ДНЯО (1995 г.) в период 1996–1999 гг., то увидим следующую картину.

Универсальность. «Всеобщее присоединение к Договору» было объявлено «неотложной приоритетной задачей». Частично это решение было исполнено: к ДНЯО присоединились Ангола, Вануату, Джибути, Оман, ОАЭ, Бразилия. Число государств-участников на 1 января 2000 г. составило 187. Вне Договора осталось только четыре государства. Казалось бы, это значительный прогресс, делающий ДНЯО самым универсальным из всех когда-либо заключенных международных договоров.

---

²⁶Johnson Rebecca. Divisions and Doubts at the Third NPT PrepCom. *Arms Control Today*, April/May 1999, pp.11–16.

²⁷Япония и Канада, хотя и не присоединились к коалиции официально, фактически солидаризировались с ее действиями.

Тем не менее никаких особых заслуг в присоединении вышеназванных государств к ДНЯО у ЯОГ нет. В то же время из остающихся вне Договора четырех государств три – Израиль, Индия и Пакистан как раз и являются предметом первостепенной озабоченности. Не случайно в 1995 г. особый акцент был сделан на присоединении «в кратчайшие сроки» «государств, в которых имеются ядерные объекты, не поставленные под действие гарантий».

Скорое присоединение к ДНЯО Израиля, Индии и Пакистана представляется нереальным. Возможны компромиссные меры, в частности, постановка всех объектов этих государств под гарантии МАГАТЭ или создание региональных агентств по примеру АБАКК. Однако и в этом направлении ничего не удалось сделать; наоборот, после проведения испытаний в Южной Азии вопрос об универсальности оказался отброшенным назад.

Нераспространение. Во второй половине 90-х годов в целом удавалось избежать значительного распространения компонентов ядерного оружия. Инспекции МАГАТЭ поставили точку на иракской военной ядерной программе.

В Северной Корее сохранялась определенная неясность, однако действия США в рамках достигнутых в 1994 г. рамочных соглашений по строительству в КНДР легководных реакторов в обмен на отказ Пхеньяна от военной ядерной программы, в сочетании с серьезными финансовыми трудностями КНДР, способствовали невозобновлению военной программы Пхеньяном и, по заключению американских официальных лиц, сделанному в мае 1999 г., «ядерного оружия или его компонентов в КНДР нет»²⁸.

Удалось пресечь ряд сомнительных сделок по поставкам материалов, которые могли бы способствовать развитию военной ядерной программы, в частности, из Великобритании в Пакистан (1999 г.), а КНР взяла на себя обязательство не передавать ядерные технологии Пакистану.

В то же время именно вторая половина 90-х годов выдвинула в первый ряд вопрос о доступе негосударственных игроков, таких, как сепаратистские движения, террористические группы, организованные преступные сообщества, к технологиям производства ядерного оружия и к материалам для его создания. Проблемы предотвращения НОЯМ заняли серьезное место в повестке дня саммитов, а также в обмене информацией между ведущими спецслужбами мира, однако говорить о том, что эта проблема решена, преждевременно.

---

²⁸U.S. Says N.Korea Site Nuclear Free; Perry Visits Pyongyang. *Arms Control Today*, April/May 1999, p.39.

Ядерное разоружение. Решение КРП ДНЯО (1995 г.) по этому вопросу состоит из трех компонентов.

Первый – завершение переговоров о заключении ДВЗЯИ не позднее 1996 г., был выполнен в указанный срок. Тем не менее особенностью ДВЗЯИ является перечень из 44 государств, без присоединения которых он не вступит в силу. К концу 1999 г. Индия, Пакистан и КНДР продолжали блокировать саму возможность вступления Договора в силу, игнорируя даже подписание его. Сенат США отказался ратифицировать Договор. КНР не приступала к ратификации. К достижениям можно отнести тот факт, что ЯОГ, проявляя сдержанность, не возобновили ядерных испытаний. В то же время в течение нескольких лет подписанный Договор продолжает оставаться неработающим, хотя мораторий, объявленный пятью ЯОГ, сохраняется.

Второй компонент – «немедленное начало и скорейшее завершение переговоров о недискриминационной и универсально применимой конвенции о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия» – не был выполнен. Ожидалось, что переговоры начнутся в Женеве в рамках КР в январе 1999 г. Все пять ЯОГ в совместном заявлении от 28 апреля 1998 г. на заседании Подготовительного комитета в четкой и недвусмысленной форме выразили свою приверженность задаче скорейшего достижения договора о ЗПРМ и высказались за скорейшее начало переговоров. Однако начать их так и не удалось.

Процесс продвигается на одностороннем и двустороннем уровнях. Россия и США не только активно ведут демонтаж своих ядерных боеприпасов и прекратили производство расщепляющихся материалов для ядерного оружия, но и объявили в совместном заявлении президентов Б.Н. Ельцина и Билла Клинтона от 2 сентября 1998 г. о намерении изъять из своих ядерных оружейных программ по 50 тонн плутония и «переработать его так, чтобы никогда нельзя было использовать этот плутоний в ядерном оружии». Президентом было также заявлено: «Признавая, что по мере дальнейшего сокращения вооружений количество такого плутония будет увеличиваться, меры по обращению с ним и уменьшению его запасов становятся важнейшим элементом усилий по обеспечению необратимости процесса сокращения вооружений и являются необходимыми для недопущения риска распространения». Наряду с этими мерами, Россией осуществляется переработка больших количеств ВОУ в НОУ.

Великобритания, со своей стороны, объявила в 1998 г. размеры запасов своих ЯМ в гражданском и военном секторах и высказала

намерение поставить часть этих материалов под гарантии Евратома и МАГАТЭ (в рамках существующего соглашения с Агентством о добровольной постановке под контроль своей гражданской ядерной деятельности)²⁹.

Третий компонент – «решительное продолжение всеми ядерными государствами систематических и последовательных усилий для сокращения ядерного оружия...» – не был выполнен в полной мере из-за неготовности Сената США ратифицировать Нью-Йоркские документы 1997 г., в то время как Россия ратифицировала Договор СНВ-2 и Нью-Йоркские соглашения в апреле 2000 г. Однако договор из-за его неполной ратификации американской стороной в силу не вступил. Затягивание с ратификацией, а потом со вступлением в силу СНВ-2 не позволили России и США начать полноценные переговоры по выработке договора СНВ-3. Наконец, новой серьезной проблемой стало намерение США приступить к созданию национальной системы противоракетной обороны, что подорвало бы основы стратегической стабильности, заложенные в советско-американском Договоре по ПРО 1972 г.

Зоны, свободные от ядерного оружия. В решении КРП ДНЯО подчеркивалось, что «приветствовалось бы создание дополнительных зон, свободных от ядерного оружия, ко времени проведения Конференции по рассмотрению действия Договора в 2000 году». С одной стороны, в 1995–1996 гг. подписаны Бангкокский договор и договор Пелиндаба, с другой стороны, существенного прогресса в этом вопросе достичь не удалось: не вступил в силу договор Пелиндаба; ни одно из ЯОГ не подписало протоколы к Бангкокскому договору. Наконец, не было никаких подвижек в том, что касается двух действительно критически важных с точки зрения нераспространения зон – в Южной Азии и на Ближнем Востоке, хотя, по крайней мере в последнем случае, предпосылки к этому имеются. К плюсам можно отнести продвижение в сторону заключения договора о создании ЗСЯО в Центральной Азии.

Гарантии безопасности. Никакого движения во второй половине 90-х годов по «разработке международного документа, имеющего обязательную юридическую силу», не наблюдалось.

Гарантии МАГАТЭ. Серьезных проблем с введением в действие соглашений с МАГАТЭ о гарантиях не было. Важным достижением стала разработка дополнительного протокола о гарантиях в рамках требования по «укреплению потенциала МАГАТЭ по выявлению

---

²⁹Тимербаев Р.М. К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений. *Ядерный Контроль*, №1, январь–февраль 1999, с.4–10.

необъявленной ядерной деятельности», который подписали более 50 государств, включая Россию.

В то же время не удалось добиться того, чтобы государства, не являющиеся участниками ДНЯО, заключили с МАГАТЭ соглашения о всеобъемлющих гарантиях.

Использование ядерной энергии в мирных целях. Значительных проблем, связанных с осуществлением решений КРП ДНЯО по данному вопросу, не было. Так, развивающимся НЯОГ по-прежнему по возможности предоставлялся преференциальный режим. Серьезной проблемой оставалась политика США в отношении Ирана, что находило свое проявление в давлении на Россию в связи со строительством АЭС в Бушере. В то же время нельзя было не обратить внимание на тот факт, что давление США на Россию по поводу Бушера к 1998–1999 гг. ослабло, и основное давление стало оказываться в связи с РКРТ в отношении поставок в Иран.

Конференция 2000 года по рассмотрению действия ДНЯО

Шестая КР ДНЯО – и первая после его бессрочного продления в 1995 г. – прошла в Нью-Йорке с 24 апреля по 20 мая 2000 г. В КР ДНЯО приняли участие 157 государств-членов ДНЯО из 187. Из четырех стран, не входящих в Договор (Куба, Индия, Израиль и Пакистан), только Куба направила своего наблюдателя. Кроме того, на конференции присутствовали представители 141 исследовательской и неправительственной организации.

Несмотря на пессимистические прогнозы, после довольно жестких дебатов по некоторым вопросам – прежде всего по вопросам статьи VI – конференция приняла консенсусом Заключительный документ, который содержит как ретроспективный взгляд на выполнение Договора, так и оценивает перспективы на будущее, предлагая ряд дальнейших шагов по укреплению международного режима ядерного нераспространения и содействию ядерному разоружению. Таким образом, впервые за последние 15 лет участникам удалось принять итоговый документ. На двух предшествующих форумах такого рода (в 1990 и 1995 гг.) стороны не смогли согласовать заключительные документы из-за принципиальных разногласий, прежде всего касавшихся вопроса соблюдения ЯОГ положений статьи VI.

Итоги конференции можно расценить как успешные. Она смогла дать новый импульс дальнейшим коллективным мерам по поддержанию и укреплению режима нераспространения. Это особенно

важно в свете неблагоприятной ситуации, сложившейся в области контроля над вооружениями и ядерного нераспространения за предшествовавшие конференции пять лет.

Выработав итоговый документ, КР ДНЯО показала, что мировое сообщество глубоко и искренне заинтересовано в сохранении режима ядерного нераспространения как одного из краеугольных камней международной стабильности. Прогнозы экспертов о том, что конференция не сможет достичь согласия относительно заключительного документа, а некоторые государства-участники ДНЯО могут выйти из Договора, не оправдались. По мнению многих наблюдателей, общая атмосфера конференции отличалась конструктивностью, хотя, как и ожидалось, между участниками существовали серьезные разногласия по многим вопросам.

Важным позитивным вкладом в работу конференции стало сделанное 1 мая согласованное заявление делегаций пяти ЯОГ (Франции, Китая, России, США и Великобритании). В заявлении, среди прочего, приветствуется ратификация ДВЗЯИ Российской Федерацией и говорится о том, что *«ни одна из наших ядерных ракет не нацелена ни на какое другое государство»*. Кроме того, там отмечается, что «ратификация Российской Федерацией СНВ-2 является важным шагом в усилиях по сокращению стратегических наступательных вооружений, и мы приветствуем это. На первое место сейчас выходит завершение процесса ратификации СНВ-2 Соединенными Штатами Америки. Мы стремимся как можно скорее заключить СНВ-3 при одновременном сохранении и укреплении Договора об ограничении систем противоракетной обороны в качестве краеугольного камня стратегической стабильности и основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений в соответствии с его положениями».

В заявлении пяти членов «ядерного клуба» подчеркивается важность Дополнительного протокола МАГАТЭ, подписанного всеми ЯОГ, а также поддерживается необходимость повышения транспарентности системы контроля над ядерным экспортом.

После долгих дебатов председатель конференции – алжирский посол Абдалла Баали – констатировал завершение форума, объявив о принятии Заключительного документа, содержащего общие для государств-участников взгляды на цели и задачи в области ядерного разоружения и нераспространения. Несмотря на то, что конференция закончилась почти на сутки позже запланированного срока и после серии заседаний, растянувшихся до поздней ночи, все вздохнули с облегчением, когда первая после бессрочного продления Договора КР

ДНЯО закончилась столь удачно. Ее успешное окончание рассматривалось как победа и ЯОГ, и НЯОГ (в особенности КНПД, в которую входят Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, ЮАР и Швеция). Последним удалось добиться принятия недвусмысленных обязательств и конкретных мер по ядерному разоружению.

Особая роль государств КНПД является особенностью данной конференции. Другой особенностью является то, что роль ДН была практически незаметна. Таким образом, впервые за историю КР ДНЯО дискуссии сместились из плоскости «ЯОГ–ДН» в плоскость «ЯОГ–КНПД».

В этой связи важно отметить, что, несмотря на серьезные разногласия между ЯОГ, в частности, между Россией и США и между США и Китаем, ЯОГ выступили на данной конференции, как и раньше, сообща.

Россия занимала в ходе конференции активную и гибкую позицию, после определенных размышлений согласившись на предложенный КНПД язык Заключительного документа по разоружению. Позиция России была сформулирована в послании к участникам конференции президента России Владимира Путина: «Договор о нераспространении прошел испытание временем и за 30-летнюю историю подтвердил свою роль важнейшего инструмента сдерживания угрозы расползания ядерного оружия. Его действие способствовало укреплению региональной и глобальной стабильности. Договор заложил условия для необратимого движения по пути ядерного разоружения, понизил риск возникновения ядерной войны».

Россия привержена своим обязательствам в области ядерного разоружения, намерена и далее следовать им в условиях сохранения стратегической стабильности и созданной за последние десятилетия системы разоруженческих договоров как основы для дальнейших сокращений и ограничений стратегических наступательных вооружений.

Как государство-участник Договора о нераспространении и как один из его депозитариев Россия считает, что ДНЯО является одной из главных опор системы международной безопасности. Именно ДНЯО является основным механизмом, препятствующим распространению ядерного оружия, одновременно обеспечивающим развитие международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии».

В то же время Россия выразила и свою озабоченность «появлением новых серьезных угроз международной безопасности и стабильности».

Локальные конфликты, международный терроризм и воинствующий сепаратизм создают питательную среду для расползания ядерного и других видов оружия массового уничтожения и средств их доставки.

Не меньшую опасность представляет тенденция к расшатыванию существующей системы стратегической стабильности, попытки строить национальную безопасность в ущерб интересам других государств, а тем более присвоить себе право применять силу в нарушение основополагающих принципов Устава ООН и международного права. Это, по сути, прямое приглашение к новой гонке вооружений на планете»³⁰.

Конференция должна была закончить работу до 12 часов ночи 19 мая, но дипломаты продолжали активную борьбу, стремясь разрешить патовую ситуацию, возникшую между США и Ираком. Спор возник из-за формулировок, касающихся недобросовестного выполнения Ираком условий Договора.

Помимо оценки хода выполнения Договора за последние пять лет, конференция приняла важное соглашение по дальнейшим практическим мерам в области ядерного разоружения, которые были согласованы ЯОГ и КНПД. Успехи КР ДНЯО 2000 г. кажутся еще более впечатляющими, поскольку они имели место в момент, когда процесс разоружения зашел в тупик, в момент, когда между некоторыми ЯОГ возникли глубокие политические разногласия. Главным из них стал вопрос развертывания американской национальной системы ПРО, которая способна подорвать Договор по ПРО.

Тем не менее, хотя договоренности по разоружению могут рассматриваться как серьезный прорыв, они должны прежде всего соотноситься с тем, что прошло мимо конференции. С политической точки зрения, была упущена возможность привлечь внимание к тем угрозам режиму нераспространения, которые несет с собой американский план развертывания национальной системы ПРО. Кроме того, форуму не удалось в жесткой форме донести до КР в Женеве идею немедленного начала переговоров по ЗПРМ и скорейшего заключения соответствующего соглашения. Оба эти вопроса имеют большое значение для НЯОГ и некоторых ЯОГ, но решение этих проблем было заморожено из-за позиции ЯОГ, согласившихся с требованием Китая увязать переговоры по ЗПРМ с общей программой работы КР. По мнению КНР, такая программа должна включать

---

³⁰Выступление министра иностранных дел Российской Федерации Игоря Иванова на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. Нью-Йорк, 25 апреля 2000.

специальный комитет или рабочую группу по «предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве», необходимость создания которой отрицали в Женеве лишь США. Китай, в свою очередь, взамен на эту уступку открыто не возражал против планов США по ПРО (за исключением оговорки, сделанной после принятия Заключительного документа).

Заключительный документ содержит призыв к Индии и Пакистану последовать резолюции СБ ООН 1172, принятой после проведения этими двумя государствами ядерных испытаний в 1998 г. Не менее важным является и требование о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке, причем документ называет Израиль в числе четырех оставшихся стран (Индия, Израиль, Пакистан и Куба), которые должны как можно скорее присоединиться к ДНЯО в качестве НЯОГ. В то же время в Заключительном документе отсутствует предложение Белоруссии об обсуждении возможности создания безъядерного пространства в Центральной и Восточной Европе. Это произошло в результате решительного противодействия Польши, ряда других государств НАТО.

Работа комитета, занимавшегося экспортным контролем над ядерными материалами и технологиями, оказалась малорезультативной. Тем не менее конференция подтвердила обязательства 1995 г. о том, чтобы сделать полноохватные гарантии неизменным условием поставок ядерных технологий и материалов, несмотря на позицию Китая, вновь сделавшего оговорки относительно такого рода гарантий.

В Заключительном документе ЯОГ заявили о «недвусмысленном обязательстве [...] осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов для достижения ядерного разоружения, делу которого привержены все государства согласно статье VI». В то же время предложения некоторых государств из ДН об установлении конкретных сроков ядерного разоружения приняты не были. Государства-участники ДНЯО подчеркнули необходимость скорейшего вступления в силу ДВЗЯИ и скорейшего начала переговоров по ЗПРМ, которые застопорились на КР. Поддерживая идею добросовестного и полного выполнения СНВ-2, участники конференции призвали США и РФ добиться заключения СНВ-3. НЯОГ выразили свою озабоченность тем, что ЯОГ всерьез не воспринимают свои обязательства по ядерному разоружению, что затрудняет прогресс в этой области. В этой связи ими был выдвинут ряд важных инициатив, которые необходимо осуществить в течение следующих пяти лет в дополнение к двусторонним шагам по сокращению стратегических вооружений,

которые предпринимаются сейчас. Согласно программе действий, которая содержится в соглашении по дальнейшим мерам в этой сфере, ЯОГ принимают на себя следующие обязательства:

- предпринимать дальнейшие односторонние усилия по сокращению своих ядерных арсеналов. С 1991 г. США, Россия, Великобритания и Франция сделали ряд серьезных шагов по одностороннему ядерному разоружению, сократив количество имеющегося у них тактического и стратегического ядерного оружия. Односторонние меры способны сыграть важную роль, когда двусторонние и многосторонние переговоры заходят в тупик. Кроме того, односторонние меры могут выступать как хорошее дополнение к существующим соглашениям по разоружению;

- обеспечивать больший обмен информацией о ядерных возможностях друг друга и о ходе выполнения соглашений по разоружению. Великобритания, Россия и США уже несколько продвинулись в направлении большей транспарентности, что является первым шагом к повышению эффективности проверок, однако Франция и особенно Китай не намерены раскрывать такого рода информацию;

- сокращать арсенал нестратегических ядерных вооружений. Россия продолжает обладать большим количеством ТЯО; Вашингтон также сохраняет ТЯО в своем арсенале, причем 150–200 тактических бомб по-прежнему находятся за пределами США на территории семи стран НАТО в Европе;

- осуществлять конкретные меры по дальнейшему снижению состояния оперативной готовности ядерного оружия. ДН и КНПД оказывали давление на ЯОГ с целью заставить последних снять с боевого дежурства свои ядерные вооружения, деактивировать их и отстыковать ядерные боеголовки от носителей, обеспечив их отдельное складирование в удаленных от средств доставки местах. В упоминавшемся выше заявлении от 1 мая пять ЯОГ впервые отметили, что их ядерные вооружения не нацелены против кого-либо. Теперь же ЯОГ обязались предпринять дальнейшие шаги в этом направлении;

- уменьшать роль ядерного оружия в обеспечении безопасности. На этой конференции НЯОГ вновь и вновь поднимали вопрос о том, что ЯОГ, входящие в НАТО, и Россия продолжают придерживаться политики сдерживания, основанной на возможности нанесения ядерного удара первым. Не меньшую обеспокоенность вызывает и концепция расширенного использования ядерного оружия в ответ на угрозу применения или применение химических и биологических вооружений другими странами, хотя оба эти вида ОМУ запрещены;

- включиться, как можно скорее, в переговорный процесс по сокращению ядерных вооружений и разоружению. В настоящее время Великобритания, Китай и Франция занимают пассивные позиции, ожидая, пока Россия и США предпримут более глубокие количественные сокращения своих ядерных арсеналов, чтобы лишь после этого подключиться к процессу сокращения и ликвидации стратегических вооружений.

Программа дальнейших мер в области ядерного разоружения предусматривает мораторий на проведение ядерных испытаний до вступления в силу ДВЗЯИ. В ней также подчеркивается «принцип необратимости» контроля над ядерными вооружениями. Это особенно важно, учитывая тенденцию среди ряда ЯОГ на переработку плутония, ВОУ и других компонентов демонтируемых ядерных вооружений с целью их будущего использования в производстве новых или модернизированных ядерных боеголовок.

В заключительные часы работы конференции усилились разногласия между США и Ираком, от решения которых непосредственно зависел успех КР ДНЯО. Проблема состояла в формулировках нескольких абзацев в проекте решения конференции, касающегося региональных вопросов. Из-за отказа США напрямую встретиться с иракской делегацией, председателю конференции Абдалле Баали пришлось обратиться за посреднической помощью к руководителю канадской делегации Кристоферу Вестдалу. Последний был вынужден заняться «челночной дипломатией», переходя из комнаты в комнату и доводя до сторон предложения друг друга. После того, как работа конференции вышла за установленные временные рамки и была продолжена 20 мая, делегация США начала проявлять обеспокоенность слухами о том, что Вашингтон, возможно, планировал провал конференции и стремился не допустить скорейшего заключения соглашений по разоружению; что США, якобы, были поражены конструктивностью позиции России и Китая в области разоружения и пытались теперь использовать Ирак в качестве «козла отпущения» для срыва форума. Озабоченность вызывало и желание США использовать невыполнение Ираком условий ДНЯО в качестве противовеса аргументам Египта о необходимости осудить Израиль за неприсоединение к Договору. Оба эти положения были одинаково важны, но попытки США увязать их между собой не были поддержаны участниками конференции. Наконец, после вмешательства руководства госдепартамента США, американская делегация согласилась на формулировки, которые Ирак также был готов одобрить, а именно: были приняты во внимание результаты недавних инспекций МАГАТЭ

и признавалось, что «после завершения работы инспекций МАГАТЭ в Ираке 16 декабря 1998 г.» Агентство «не имело возможности предоставить доказательства добросовестного выполнения Ираком резолюций СБ ООН 687». При этом, к удовлетворению иракской делегации, не упоминалась резолюция СБ ООН, принятая в декабре 1999 г.

Этот компромисс привел к бурной активизации деятельности по разрешению других не менее важных вопросов, включая ЭК, гарантии МАГАТЭ, консультативное заключение Международного Суда от 1996 г. (упоминавшееся в тексте лишь по названию) и слегка измененные положения, направленные против Израиля, Индии и Пакистана.

20 мая Заключительный документ был принят консенсусом. Он объединил в себе отчеты трех главных комитетов и двух вспомогательных органов, а также проект документа председателя о «дальнейшем повышении эффективности процесса рассмотрения действия ДНЯО». Вслед за утверждением документа последовали около 20 выступлений государств-участников, и в некоторых из них содержались оговорки к только что утвержденным текстам.

Вызовы для XXI века

Во-первых, количество ЯОГ, как официальных, так и неофициальных, в настоящее время стабилизировалось. Существенного увеличения числа новых неофициальных ЯОГ ожидать не стоит. В то же время наличие ядерного потенциала у трех неофициальных ЯОГ и отсутствие действенных методов воздействия на них вызывает особую напряженность прежде всего в регионах Южной Азии и Ближнего Востока, причем в первом случае сохраняется риск применения ядерного оружия.

И ЯОГ, и государствам-членам ДН, в особенности тем НЯОГ, которые проявили себя сторонниками компромисса и вместе с тем твердыми поборниками идеи ядерного разоружения (ЮАР, Швеция, Мексика, Ирландия и др.), следовало бы продумать «точечное» воздействие на три неофициальные ЯОГ. Причем трудность продвижения диалога на Ближнем Востоке и в Южной Азии не должна смущать. Возможно, речь должна идти о создании контактной группы вышеназванных НЯОГ, которые смогли бы методом «челночной дипломатии» добиться повторения Израилем, Индией и Пакистаном пути ЮАР. При этом наиболее эффективным способом выхода из регионального кризиса в обоих случаях могло бы стать создание

ЗСОМУ, с четко очерченными географическими границами, с гарантиями безопасности, с жесткими мерами контроля за соблюдением статуса таких зон.

Во-вторых, Соединенные Штаты и Россия – два крупнейших обладателя ядерного оружия – в целом готовы соблюдать обязательства по статье VI ДНЯО о прекращении гонки ядерных вооружений и сокращении ядерного оружия. В то же время в ближайшей и среднесрочной перспективе ожидать стремительного сокращения ядерного оружия было бы нереалистично. Более того, учитывая новую геополитическую и стратегическую ситуацию в Европе, для России ядерное оружие сохраняет и даже приобретает еще большую роль основного фактора сдерживания, а поддержание и развитие СЯС выдвигается в разряд центральных задач. Кроме того, не наблюдается предпосылок и для ликвидации ТЯО.

В-третьих, заключение ДВЗЯИ в сентябре 1996 г. позволяет говорить о возможности начала «безвзрывной эры». Договор предусматривает эффективную систему контроля за скрытой деятельностью по проведению ядерных испытаний. Однако вступление в силу этого ключевого договора может затянуться на годы, что во многом зависит от согласия Индии на участие в нем. Кроме того, ДВЗЯИ не исключает возможности совершенствования ядерного оружия теми, у кого оно уже есть, и создания ядерного боезаряда теми, у кого его еще нет.

В-четвертых, расширение числа ЗСЯО, подключение к этому процессу Центральной Азии и особенно Европейского континента, пусть и весьма постепенное, позволили бы приступить к конструктивному обсуждению действенности статуса таких зон в будущем.

Важным шагом стало бы принятие ЯОГ юридически обязательного документа о неразмещении ими ядерного оружия за пределами своих национальных территорий.

В-пятых, видимо, не стоило бы пренебрегать настойчивыми требованиями большинства НЯОГ о начале работы над конвенцией о юридически обязательных гарантиях безопасности, предоставляемых ЯОГ в отношении НЯОГ-участников ДНЯО.

В-шестых, серьезной, длительной работы потребует выработка текста и подготовка к заключению конвенции о ЗПРМ. Эта задача все острее стоит в повестке дня.

В-седьмых, неправильно было бы рассматривать режим контроля над ядерным распространением в отрыве от режимов контроля над распространением химического, биологического оружия, средств их

доставки. По-видимому, уже в скором времени такой комплексный подход должен возобладать. В противном случае уже в ближайшие два–три года весьма вероятен риск возникновения асимметрии между почти тотальным отказом от производства дорогостоящего ядерного оружия и массовым стремлением обзавестись запасами крайне дешевого и легко скрываемого от инспекций химического и в особенности биологического оружия.

В-восьмых, без широкого международного сотрудничества действенный режим нераспространения попросту не возможен. Наверное, еще в течение нескольких лет реальное сотрудничество и обмен информацией будут вестись в основном между официальными ЯОГ (без привлечения или с ограниченным привлечением КНР) или же максимум между 10–12 наиболее развитыми в ядерном плане государствами, учитывая деликатность такой информации. В то же время надо ожидать, что такие региональные державы, как Индонезия, Бразилия, ЮАР, Мексика, Иран, Египет будут настойчиво требовать равноправия или, по крайней мере, адекватного участия в обсуждении данной информации.

Наконец, *в-девятых*, в начале XXI века особое беспокойство должны вызывать новые, нетрадиционные риски ядерного распространения. Прежде всего это угроза хищений делящихся материалов и НОЯМ, а также ядерный терроризм. Риск хищений делящихся материалов с предприятий с целью создания ЯВУ существует, однако не следует его преувеличивать. В то же время опасность хищений делящихся материалов с целью шантажа и терроризма возрастает. Наконец, существенна угроза неконтролируемой утечки технологий, включая ядерные технологии двойного использования.

ЛИТЕРАТУРА

Орлов В.А. Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки. *Научные Записки ПИР-Центра*, №11, октябрь 1999.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М. ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди – новые. *Ядерный Контроль*, №4, июль–август 2000, с.4–13.

Тимербаев Р.М. Россия и Конференция 2000 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия. *Научные Записки ПИР-Центра*, №12, ноябрь 1999.

Bailey Emily, Guthrie Richard, Howlett Darryl, Simpson John. *PPNN Briefing Book. Vol.1. The Evolution of the Non-Proliferation Regime. 4th Edition*, 1998.

Cramer Kimber. Special NPT Bibliography. *Arms Control Today*. March 1995, pp.39, 40.

Fischer David, Mueller Harald. United Divided. The European at the NPT Extension Conference. *PRIF Reports*, No.40, Frankfurt, November 1995.

Reviewing the Non-Proliferation Treaty: Problems and Processes. *ACRONYM* No.12, September 1998.

The Nuclear Non-Proliferation Treaty: Issues of Compliance and Implementation. *PPNN*, February 1997.

1995 Review and Extension Conference of the parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. Final Document. Parts I and II. New York, 1995.